

ЧАРЛИ ЧАПЛИНЪ О СЕБѢ.

Чарли Чаплину недавно исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Въ связи съ этимъ Чаплинъ въ французскомъ журналѣ охарактеризовалъ свой методъ работы и привелъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ читатель узнаетъ, какъ возникли первыя его filmy, завоевавшія ему мировую славу.

Многіе спрашивали меня, какъ я вырабатывал свою манеру игры. Могу отвѣтить: это результатъ обобщенія типа англичанъ, которыхъ я во множествѣ наблюдалъ, живя въ Лондонѣ. Когда «Кейстонъ компани» (для этой фирмы я снималъ свои первыя кинокартины) пригласила меня переработать для кино пантомиму «Ночь въ англійскомъ мюзикъ-холлѣ», я заколебался. Мнѣ было неясно, какой именно комическій образъ здѣсь слѣдуетъ создать. И тутъ возникли въ памяти столь примелькавшіеся маленькіе англичане съ черными усиками, въ узкихъ костюмахъ, съ неизменно бамбуковой тростью въ рукахъ.

Мысль использовать въ игрѣ трость, — пожалуй, одна изъ моихъ самыхъ счастливыхъ находокъ. Трость стала своеобразной примѣтой, по которой меня узнавала публика. Я использовалъ трость такъ своеобразно, что придавалъ ей самой комическій характеръ. Игралъ палочкой, я вдругъ обнаруживаю, что она зацѣпила чью-то ногу, или налету ловлю ее плечомъ и почти непроизвольно вызываю смѣхъ у публики. Я не сразу понялъ, почему у миллионныхъ людей трость является какъ бы принадлежностью «дяди». Когда я вразвалку, съ серьезнымъ видомъ выхожу на сцену съ маленькой тростью въ рукѣ, то произвожу впечатлѣніе челоука, претендующаго на свѣтскій тонъ. Именно къ этому я и стремлюсь.

Моя актерская работа началась съ четырнадцатилѣтняго возраста. Больше года я исполнял роль конторскаго мальчика Билли въ американской пьесѣ «Шерлокъ Холмсъ», которую ставили тогда въ Лондонѣ. Затѣмъ я игралъ въ водевилѣхъ. Нѣсколько лѣтъ пѣлъ и танцевалъ, а потомъ перешелъ на пантомиму въ театрѣ Карно. Пантомима очень пѣнится въ Англии, и я былъ радъ отдаться цѣликомъ этому виду искусства, такъ какъ имѣлъ къ нему большую склонность...

Сомнѣваюсь, имѣлъ ли бы я такой успѣхъ въ пантомимѣ, если бы моя мать съ самаго ранняго возраста не воспитала во мнѣ эту склонность. Она была талантливая мимерша. Часами просиживая у окна, моя мать воспроизводила руками, глазами, выраженіемъ лица все, что происходило на улицѣ.

Наблюдая за ней, я научился не только передавать лицомъ и руками свои переживанія, но также понимать челоука. Ея наблюдательность была замѣчательна. Мать, напримѣръ, видитъ въ окно, какъ Билль Смитъ выходитъ утромъ на улицу. «Вотъ идетъ Билль Смитъ, — говоритъ она, — онъ вслочьтъ ноги, ботинки его не чищены. Онъ разстроены. Бьюсь объ за-

кладъ, что онъ поругался съ женой и ушелъ безъ завтрака».

И дѣйствительно, я потомъ узнавалъ, что Билль Смитъ передъ уходомъ изъ дому подражалъ со своей женой.

Эта способность наблюдать людей была тѣмъ драгоценнымъ даромъ, который передала мнѣ мать. Благодаря ей я сталъ подмѣчать смѣшное въ людяхъ.

Вотъ почему, просматривая вмѣстѣ съ публикой какую-нибудь изъ своихъ filmy, я однимъ глазомъ слѣжу за картинно, а другимъ — за публикой. Кромѣ того я прислушиваюсь къ смѣху публики и отмѣчаю, что заставляетъ ее смѣяться и къ чему она равнодушна.

Если на нѣсколькихъ сеансахъ краду публика не смѣется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по моему расчету, она должна была бы смѣяться, я стараюсь понять, почему мое предположеніе не оправдалось и кто въ этомъ виноватъ: я или операторъ?

Съ одной стороны, я наблюдаю за публикой въ театрѣ, чтобы установить причину смѣха, съ другой — изучаю ея вкусы, чтобы впоследствии создать новыя смѣшныя положенія и сцены.

Однажды я проходилъ мимо зданія пожарной команды въ тотъ моментъ, когда подали сигналъ о пожарѣ. Пожарный быстро спустился внизъ по лесту, схватилъ насосъ и готовъ былъ броситься въ огонь. Въ тотъ же мигъ передо мною возникъ рядъ комическихъ сценъ: я сплю и не обращаю вниманія на тревожный сигналъ (это всѣмъ понятно, такъ какъ каждый любитъ поспать), и все-таки сигналъ заставляетъ меня подняться, затѣмъ я спускаюсь по лесту, забавляюсь съ пожарными лошадьми, спасаю героиню, падаю съ пожарнаго насоса, меня увлекаетъ водоворотъ уличнаго движенія, и еще многое въ такомъ же родѣ...

Однажды на боксерскомъ матчѣ у меня мелькнула мысль создать фильму «Чарли боксеръ», въ которой я, низкорослый, слабосильный челоукъ, положилъ бы на обѣ лопатки огромнаго верзилу при помощи полковы, спрятанной въ боксерскихъ перчаткахъ.

Для созданія челоуческихъ образовъ и комическихъ положеній я всегда бралъ куски повседневной жизни.

Однажды я замѣтилъ, что какой-то мужчина началъ смѣяться и раскланиваться при моемъ появленіи въ ресторани. Я тоже привѣтствовалъ его, но онъ нахмурился. Онъ то улыбался, то грозно сдвигалъ брови. Я ничего не могъ понять. И только обернувшись, сообразилъ, что онъ флиртуетъ съ красивой дѣвушкой, сидѣвшей за столикомъ позади меня. Это ма-

ленькое происшествіе такъ разсмѣшило меня, что я включилъ его въ фильму «Чарли лѣчится».

Публика любитъ контрасты и неожиданности, и я часто прибѣгаю къ нимъ.

Публика любитъ борьбу между добромъ и зломъ, богачомъ и бѣднякомъ, счастливецомъ и неудачникомъ.

Публика любитъ быструю смѣну эмоцій; она рада въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и поплакать и посмѣяться.

Контрастъ возбуждаетъ у публики интересъ, вотъ почему я такъ часто имъ пользуюсь.

Если за мной по ходу фильму гонится полицейскій, то онъ всегда огромный, неповоротливый, въ то время какъ я кажусь такимъ легкимъ и юркимъ, что могу прошигнуть у него межъ ногъ. Если меня поймали и ведутъ въ полицейскій участокъ, то это всегда дѣлаетъ челоука колоссальнаго роста: контрастъ съ моей тще-

Чарли Чаплинъ въ фильму «Огни большого города».

душной внѣшностью вызываетъ ко мнѣ симпатію публики, и я стараюсь подчеркнуть комизмъ происшествія серьезной миной. Чтобы еще больше подчеркнуть свою беспомощность, я втягиваю плечи, придаю своему лицу жалобное, запуганное выраженіе. Все это, конечно, — искусство пантомимы.

Будь я выше ростомъ, мнѣ было бы много труднѣе завоевать симпатію зрителя, и хотя публика смѣется надъ моей внѣшностью, все же она сочувствуетъ изображаемому мною челоуку.

Но и контрасты должны быть правильно задуманы.

Въ фильму «Жизнь собаки» я играю роль фермера. Мнѣ показалось смѣшнымъ изобразить, какъ я, гуляя по полю, извлекъ изъ кармана зерно, продѣлалъ пальцемъ ямку въ землѣ и посеялъ зерно. Одинъ изъ сотрудниковъ по моей просьбѣ нашелъ ферму, на которой можно было бы провесту эту сцену. Но я не воспользовался фермой, такъ какъ она была мала и не дала бы достаточно рѣзкаго контраста между размѣромъ земельного участка и нелѣпнымъ способомъ посѣва единственнаго зерна. Конечно, и на маленькой фермѣ это выглядело бы достаточно комично, но на 25 гектарахъ земли эта сцена вызвала неудержимый хохотъ.

Не меньшее значеніе я придаю неожиданностямъ, которыя должны быть включены не только въ сюжетъ фильму, но и въ игру актера. Напримѣръ, публика увѣрена, что я пройду улицу пѣшкомъ, а я вдругъ вскакиваю въ автомобиль. Желая привлечь чье-нибудь вниманіе, я, вмѣсто того, чтобы хлопнуть челоука по плечу или позвать его, просовываю трость ему подъмышку и любезно подтягиваю къ себѣ.

Мое самое большое удовольствіе — знать, чего ждетъ публика, и дѣлать все наоборотъ.

Въ одной изъ моихъ фильму («Чарли путешествуетъ») «при поднятіи занавѣса» я стою, перегнувшись черезъ борть парохода; видны только моя спина и конвульсивно вздрагивающіе плечи. Можетъ показаться, что у меня приступъ морской болѣзни. Если бы это и было такъ, то искаживать такое въ фильму — грубая ошибка. Въ дѣйствительности же я хотѣлъ ввести публику въ заблужденіе. Разогнувшись, я, ко всеобщему удивленію, вытягиваю удочку съ рыбой на крючкѣ, и публика удивляется, что я не страдалъ морской болѣзвью, а пріятно проводилъ время: удилъ рыбу. Это такъ неожиданно, что вызываетъ хохотъ.

Но тутъ имѣется и другая опасность:

именно стремленіе быть черезчуръ смѣшнымъ.

Есть такія пьесы и filmy, на которыхъ присутствующіе смѣются до изнеможенія.

Заставить зрительный залъ умирать отъ смѣха — вотъ честолюбивый замыселъ многихъ актеровъ, но я предпочитаю не злоупотреблять смѣхомъ. Два-три взрыва хохота гораздо лучше непрерывнаго смѣха.

Меня часто спрашиваютъ, провожу ли я въ жизнь свои взгляды и легко ли сдѣлать комическую фильму.

Если бы можно было въ моментъ возникновенія самаго замысла предусмотрѣть во всѣхъ деталяхъ конечный результатъ работы! Какая бы это была экономія труда, времени и средствъ!

Временами я несмотря на упорное продумываніе какой-нибудь мысли, еще не достаточно оформившейся въ моемъ сознаніи, совершенно сознательно оставляю ее и перехожу къ другой.

Надо сконцентрировать всю энергію на работѣ, которую дѣлаешь, и если несмотря на всѣ старанія не двигаешься съ мѣста, то имѣетъ смыслъ сдѣлать на нѣкоторое время перерывъ и приняться за другую работу, чтобы впоследствии вернуться къ первой. Этимъ принципомъ я руководился всегда.

Больше всего я избѣгаю преувеличенія или слишкомъ назойливаго подчеркиванія отдѣльных частей. Смѣхъ легче всего убить преувеличеніемъ. Если бы я слишкомъ грубо опрокидывалъ навзничъ противника и вообще былъ чрезмѣренъ, — это не представляло бы для фильму никакой цѣнности.

Сдерживать себя очень важно, и не только для актера. Ограничивать темпераментъ, аппетитъ, дурныя привычки просто необходимо. Я мало люблю свои первыя filmy, потому что въ нихъ я мало сдерживалъ себя.

Одна оплеуха — дѣло хорошее, но когда смѣхъ зависитъ только отъ оплеухъ, фильму становится монотонной.

Примѣняя свой методъ, я, быть можетъ, не всегда достаю успѣха, но все же предпочитаю вызывать у публики смѣхъ остроумнымъ поступкомъ, а не грубостью и банальностью.

Секретъ моего успѣха очень простъ: я всегда наблюдаю, мой мозгъ все время бодрствуетъ, я постоянно ищу интересныя ситуации для своихъ фильму. Все время я изучаю челоука. Безъ знанія челоука я ничего не сдѣлалъ бы въ искусствѣ. Знаніе челоука — залогъ всякаго успѣха.

ЧАРЛИ ЧАПЛИНЪ.